

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Комбинация

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Комбинация

«Public Domain»

1890

Мамин-Сибиряк Д. Н.

Комбинация / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1890

«Дети ужасно шумели, как они умеют шуметь только в больших семьях, где на них никто не обращает внимания. Тут были представители всевозможных возрастов обоего пола, начиная с младенца, едва перебиравшегося от одного стула до другого, и кончая взрослыми гимназистами. По утрам половина была занята делом: большие уходили в гимназию, подростки занимались в классной, а мелкая детвора сбивалась в детской, около старухи няньки. Зато вечером начинался целый ад, особенно когда к Катеньке приходил «жених»... Невинное детство было изобретательно и умело отравить Катеньке каждый шаг...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1890

© Public Domain, 1890

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Комбинация

I

Дети ужасно шумели, как они умеют шуметь только в больших семьях, где на них никто не обращает внимания. Тут были представители всевозможных возрастов обоого пола, начиная с младенца, едва перебиравшегося от одного стула до другого, и кончая взрослыми гимназистами. По утрам половина была занята делом: большие уходили в гимназию, подростки занимались в классной, а мелкая детвора сбивалась в детской, около старухи няньки. Зато вечером начинался целый ад, особенно когда к Катеньке приходил «жених»... Невинное детство было изобретательно и умело отравить Катеньке каждый шаг.

Сегодня было, как вчера, как третьего дня, – как всегда. Когда «жених», учитель латинского языка Владимир Евгеньевич Кекин, явился вечером со своим дежурством к невесте, Катенька встретила его в передней с красными пятнами на лице. Жених приписал это радостному волнению, которое вызвано было его присутствием. Он даже поцеловал руку у девушки и задержал ее в своей холодной и потной руке.

– Вы взволнованы, Екатерина Васильевна? – спрашивал он, глядя на нее через золотые очки, отпотевшие на морозе.

– Нет... так...

Катенька вспыхнула до ушей и потупилась, что привело Кекина в восторг: этакая миленькая барышня... Он даже причмокнул и посмотрел на ее статную фигуру с чувством собственности. А девушка в это время была как на иголках: за спиной у ней, за косяками у дверей шушукала и хихикала целая толпа маленьких мучителей. Дети ждали, как праздника, появления жениха и тешились смущением Катеньки.

– Здравствуйте, Владимир Евгеньич! – приветствовала эта маленькая орда, когда Кекин вошел в гостиную.

– А... здравствуйте, милые дети, – протянул он, шуря близорукие глаза. Когда он из зала проходил в гостиную, вслед ему донесся петушиный бас одного из гимназистов: «Комбинация!» Это была его классная кличка в гимназии, потому что Кекин к месту и не к месту употреблял это полюбившееся ему почему-то словечко. Катенька еще больше покраснела, точно это крикнула она сама, а не эти сорванцы. Как она сейчас ненавидела и эту голубую гостиную, и Кекина, и самое себя, и тот вечер пытки, который ей предстояло вынести с глазу на глаз с женихом. Отвратительного, впрочем, в женихе ничего не было, а скорее это был видный мужчина лет 30, плотный и здоровый, с большим лицом, крупным носом, большими руками и тяжелой походкой. Правда, в выражении его свежего лица было что-то неподвижное, точно он раз застыл, да так и не мог оттаять, но с этим маленьким недостатком положительно можно было помириться ввиду остальных наружных достоинств. Конечно, рядом с ним Катенька являлась, может быть, слишком эффектной – среднего роста, грациозная, гибкая, с задумчивой красотой типичного русского лица. Мягкий шелк русых, слегка вившихся волос эффектно оттенял белизну кожи, а из серых лучистых глаз ласково и призывно глядели ее восемнадцать лет. Маленьким противоречием являлся только серьезно сложенный рот, говоривший о том, что старит человека прежде времени.

Кекин был влюблен в Катеньку, влюблен, конечно, настолько, насколько позволяла ему его солидность и общественное положение. Он теперь еще раз обвел девушку таким взглядом, точно делал ей экзамен, и остался доволен. Как, однако, она изменилась с тех пор, как он ее знал еще гимназисткой: женщина развертывалась на его глазах. При вечернем освещении

она казалась ему всегда лучше, чем днем, как было и теперь – голубая гостиная освещалась всего одной лампой под розовым абажуром, и на всем лежали такие мягкие, ласкающие тени. Конечно, в этой гостиной всегда царил страшный беспорядок благодаря детям; но Кекину нравился даже он, этот беспорядок, на фоне которого еще рельефнее выступала девичья красота, и притом являлась невольная мысль о другой маленькой гостиной, где будет и тепло, и светло, и уютно, как в гнездышке.

– Отчего вы сели так далеко? – спрашивал Кекин, стараясь говорить ласково.

– Мне все равно... я могу подвинуться.

– То есть как все равно?.. Тогда лучше я подвинусь... Знаете, есть такой анекдот про Магомета. Да, именно про Магомета... Однажды он сказал своим последователям: «Дети мои, видите вон ту гору – я скажу ей, и она подойдет ко мне...» Тогда один из родственников шепнул ему на ухо: «Учитель, а если она не подойдет?» Магомет улыбнулся и ответил: «Тогда я подойду к ней...» Так и я, Екатерина Васильевна.

Довольный своим анекдотом, Кекин первый засмеялся, а в зале послышалось сдержанное детское хихиканье – у самых дверей кто-то подслушивал. Но слишком счастливый Кекин ничего не хотел замечать и даже потянулся своей большой рукой, чтобы обнять оглянувшуюся к дверям девушку, – она всегда так мило и наивно сопротивлялась его ласкам, возбуждая в нем желание обнять ее еще раз и еще.

– Я думаю, что нам сегодня всего лучше закончить наш вчерашний разговор, – заговорил Кекин, спохватившись, что очень уж разнежился, – тон голоса у него был совсем другой, каким он в классе читал Овидия, и глаза посмотрели так тускло, как у замороженной рыбы.

«Началось...» – в ужасе подумала Катенька, стараясь сделать внимательное лицо.

– Да... Между людьми, которые сходятся на всю жизнь, не должно оставаться ничего недосказанного, неопределенного. И я лично считаю своим долгом... да, долгом, вернее сказать – обязанностью выяснить свои взгляды на жизнь вообще и на женщину в частности.

Ему самому понравилась закругленность фразы, и он посмотрел на Катеньку, какое впечатление на нее произвела она. Но девушка рассеянно смотрела в потолок, по которому бродили колебавшиеся пятна света.

– Прежде всего, женщина – человек... – тянул Кекин, ерзая рукой по спинке дивана. – Это уж целая идея... В женщине я прежде всего уважаю именно человека, как уважаю сам себя. Это не прихоть, не игрушка... одним словом, получается целая комбинация!

В зале опять послышался смех и шептанье. Затем невидимые руки вытолкнули в гостиную девочку лет восьми. Она неловко присела у дверей, делая гостю реверанс, и потом бегом бросилась в следующую комнату, закрыв рот рукою.

Начиналось представление... Катенька быстро поднялась и вышла в залу, где около рояля стоял большой гимназист, две девочки и несколько мальчиков в курточках. Она молча погрозила им пальцем, на что гимназист сделал ей реверанс и показал язык.

– Негодяи, – прошептала Катенька, возвращаясь в гостиную. – Господи, когда же этому будет конец!

– Комбинация!.. Комбинация!.. – несло ей вслед.

– Да... так в женщине я прежде всего уважаю человека, – тянул Кекин, точно пережевывая свою мысль. – Это значит вместе с тем, что, уважая человека в другом, я уважаю его и в самом себе... Если разобрать сложную природу каждого чувства, то на поверку окажется, что наш ум скользит только по поверхности явлений и точно боится заглянуть внутрь, в самый корень... Например, возьмем... возьмем хоть любовь.

Последнюю фразу Кекин сказал с трудом, по возможности сладким голосом и сбоку посмотрел на свою слушательницу, – девушка сидела с опущенной головой, как сидела когда-то в классе на скучном уроке геометрии. Кекину был виден только профиль ее лица и белая рюшка, охватывавшая нежную круглую шейку, точно венчиком цветка, – о, эти женщины

умеют одеваться и из каких-нибудь пустяков, как рюшка, сумеют сделать такое... такое... Позвольте, на чем он остановился?

– Да, любовь... – уже шепотом продолжал Кекин, придвигаясь ближе к своей жертве. – Это всесильное, мировое чувство... Конечно, я не имею в виду физической стороны, а то высшее, неуловимое духовное родство, которое заставляет биться два сердца в унисон. Женщина особенно велика в этом чувстве, это ее нормальная сфера... Да, любовь творит чудеса, любовь все понимает, любовь все прощает...

– Комбинация! – громко крикнул детский голос в зале, и затем послышались торопливые шаги улепетывавшего неприятеля.

Катенька быстро поднялась, но Кекин удержал ее – он не любил, когда его прерывали, и нахмурился.

Девушка осталась. Глаза у ней расширились, и лицо побледнело. О, она отлично знала, что ее ждет впереди, – этот деревянный чурбан задушил ее одними своими разглагольствованиями! И какое самодовольство: он вперед уже прощает ее... Да ведь это не жизнь, а какая-то насмешка, и она все-таки должна быть его женой, потому что другого выхода нет.

– Все понимать – все прощать, – продолжал Кекин. – Это сказала умнейшая женщина.

Раздавшийся в передней звонок заставил Катеньку вздрогнуть, и она слышала, как дети всей гурьбой бросились через гостиную. Это, наверно, был Тихменев, – он приходил к ним именно в это время. Конечно, он, потому что дети шумят как сумасшедшие.

– Я сейчас, Владимир Евгеньич... – проговорила Катенька, торопливо поднимаясь с места.

Кекин только пожевал губами и посмотрел на нее через очки злыми, остановившимися глазами. «Я понимаю...» – мелькнуло в этом взгляде. Девушке стоило большого труда, чтобы не выбежать из гостиной навстречу гостю.

– Комбинация сидит с невестой... – кричал в передней детский голос. – Он про любовь говорит...

Катенька остановилась на полдороге, точно ее ударили. «За что? – стучало у ней в голове. – Ах, все злые, все...» Она быстро повернулась и пошла назад в гостиную, когда из передней показался Тихменев.

II

– Аркадий Борисыч!.. Аркадий Борисыч... – кричали дети на все голоса, хватая гостя за руки, за фалды серой визитки и забегая вперед.

– А где папахен? – спрашивал он грудным тенором, отбиваясь от облепившей его детворы. – И мутерхен тоже дома?..

Невысокого роста, с широкой грудью и курчавой головой, Тихменев выглядел настоящим молодцом. Едва опущенное русой бородкой бледное лицо нравилось всем, и только серые большие глаза смотрели немного жестоко. Он одевался с рассчитанной небрежностью, как человек, готовившийся «посвятить себя сцене». Пока Тихменев служил в акцизе и пожинал дешевые успехи на любительской сцене, по чиновничьим вечеринкам и особенно в кружке скучавших провинциальных дам. Его находили интересным – чего же больше? Тихменев везде был желанным гостем и ухаживал за всеми женщинами. Единственным его недостатком – людей без недостатков, как известно, не существует – было то, что он был женат на гимназической подруге Катеньки и, как семейный человек, терял много в глазах мамаш и дочек.

У Вициных он чувствовал себя как дома и без всякого доклада отправился из гостиной в столовую, а оттуда в кабинет к папахену, то есть к самому Вицину.

– А, вертопрах, здравствуй!.. – встретил его старик с остриженной под гребенку седой головой. – Ну, что можешь сказать в свое оправдание?

– Не виновен, доктор, но заслуживаю снисхождения... – бойко ответил Тихменев, усаживаясь в кресло. – Хотел повидать Катеньку, жена ей поклон посылает, да эта комбинация у ней завелась...

Оба посмотрели и захохотали. Когда в дверях кабинета показались головы ребят, старик вскочил и, замахнувшись книгой, крикнул:

– Эй, вы, челядь... к черту!..

Успокоившись и запахнув поношенный халат, он опять опустился в кресло и проговорил совсем другим тоном:

– Ну, ты, Аркашка, смотри... того...

– Чего?

– А вот этого... Зачем девку смущаешь? Не оправдывайся: все знаю. Выйдет замуж, тогда дорога открыта, а теперь пусть их потешатся... Вот у нас новая горничная, так можешь изощрять на ней свои таланты.

Пока доктор говорил все это, Тихменев равнодушно оглядывал незавидную обстановку докторского кабинета: заваленный книгами и бумагами письменный стол, у стены шкаф с медицинскими книгами, другой шкаф с инструментами и походной аптечкой, железную кровать и т. д. Вицин доживал век военным врачом, и окружавшая его бедность кричала из каждой щели. Семья была большая, а казенное жалованье микроскопическое.

– Только? – насмешливо спросил Тихменев, ероша свою бородку, когда доктор кончил.

– Кажется, достаточно? Ведь Катенька не родная мне дочь и даже не разберешь, как она мне приходится: жена вышла за Ордина уже за вдовца, значит, Катенька была дочерью от первой жены и приходилась ей падчерицей, а когда Ордин умер и я женился на ней... одним словом, черт знает какая путаница. А я тебе скажу одно: Катенька очень уж ласково на тебя поглядывает... скажу больше: прямо влюблена... Как порядочный человек, ты...

– Понимаю, пожалуйста, без нравучений... Вы, как порядочный человек, считаете своей обязанностью ловить Катеньку в коридорах и обнимать ее очень уж... по-родственному!..

– Ради Бога... пшш... – зашипел старик, оглядываясь на дверь.

– Ха-ха... Испугались, ваше благородие?.. Ничего, не беспокойтесь: я Антониде Степановне не выдам, если будете вести себя хорошо. Кстати, признайтесь, вы очень боитесь Антонида Степановны?

– Послушай... ты уж слишком, Аркашка!.. А Катеньку, действительно, раз обнял в коридоре...

– Потому что принял за жену? Ха-ха...

Когда в кабинет вошла сама Антонида Степановна, рыхлая и вечно больная дама с желтым лицом, разговор принял серьезный оборот. Говорили о приданом для Катеньки, о дне свадьбы, разбирали жениха и тому подобное, что говорится в таких случаях.

– Уж, кажется, я и не дождусь, – повторяла Антонида Степановна, вздыхая, – когда пристрою Катеньку... Девушка на возрасте, того гляди сядет на руках Христовой невестой – тогда куда я с ней. Конечно, она в доме была необходима – занималась с детьми, помогала мне, но пора ей и о себе подумать... Не с нами же ей век вековать, а женихов-то нынче и с огнем не найдешь. Пойдемте, господа, чай пить, а Катеньке я пошлю чаю туда...

Действительно, Антонида Степановна велела подать горничной чай жениху и невесте в гостиную. Катенька даже побелела вся, когда увидела поднос со стаканом чая и свою чашку – у ней оставалась единственная надежда на вечерний чай, чтобы хоть на час избавиться от своего уединения, но и эта надежда оказалась разбитой. Зато Кекин был предоволен и смешно вытягивал губы, прихлебывая горячий кипяток. Как он противно чмокал губами, а потом облизывал их. Девушка вперед переживала всю свою жизнь с этим ненавистным уродом, и глухие слезы подступали к самому горлу. Что она такое – хуже сироты, а чужой хлеб горек. Когда была маленькой, то это еще не так выделялось, но потом... Конечно, Антонида Степановна добрая женщина, если бы не избывала ее замуж за первого встречного, а остальных она ненавидела. Старик Вицин, бесхарактерный, боявшийся жены человек, преследовал ее своими родственными любезностями с седьмого класса гимназии и, когда жены не было, одолевал ее скабрёзными анекдотами, объятиями и поцелуями. Старшие гимназисты писали на ее тетрадках непонятные ей слова и подсовывали неприличные фотографии. А она должна была молчать, чтобы не тревожить напрасно Антонида Степановны. В последнее время она просто боялась оставаться дома одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.